

Конкурсная работа Газизуллина Т.А., дипломанта III степени в номинации «Эссе» конкурса «Защита русской государственности в портретах и событиях».

Конкурс проведен НБФ «Наследие» в рамках реализации проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Задачи консерватизма в деле политико-правовой и культурной защиты России

Чем является для современности наследие теоретиков русского консерватизма?¹ Это уже не прямое руководство к действию, а направляющий луч, указывающий на растворение культурного своеобразия государственной жизни России. Сегодня невозможно говорить о повсеместной религиозности русского народа и опираться на монархическое правосознание.

Восстановление русской государственности еще только ожидает своего часа, но с момента угасания православного правосознания монархический идеал встречает все больше сопротивления со стороны гражданской секулярной идентичности. Нравственный релятивизм и вседозволенность – вот то зло, которому отечественному консерватизму надлежит продолжать сопротивляться хотя бы для сохранения самого себя.

Мы обратимся к работам Константина Леонтьева и Льва Тихомирова для того, чтобы на их основе сформулировать задачи русского консерватизма в деле защиты принципов здоровой и естественной государственной жизни. Мы не стремимся углубляться в анализ «Византизма и славянства» и «Монархической государственности». Достижение поставленной цели будет осуществлено в результате рассмотрения внешних и внутренних вызовов современной консервативной идеологии и обнаружения возможных решений при опоре на выше указанные трактаты. Это позволит продемонстрировать не

---

¹ Материал подготовлен при поддержке Фонда целевого капитала ПГНИУ.

только на защитную, но и на созидательную функцию русского консерватизма.

Что же сегодня сковывает консерватизм изнутри? Во-первых, символическое и семантическое наследие революционного мышления; во-вторых, убежденность в возрожденной государственности; в-третьих, наполненность маргинальными теориями XX века. Начнем же по порядку.

Оригинальная и последовательная мысль поглощена грубыми лозунгами, которые до сих пор прорываются у самих же консерваторов. Достаточно упомянуть увлеченность концептом «народной монархии». Проблема не в содержании, которое было дано термину Солоневичем, а в разнообразном понимании формально заявленного принципа. Одни могут увидеть в этом социальное благополучие, достаток, другие же – демократизм политической системы, мнимое «народовластие». В общем же проблема заключается в постсоветском синдроме, когда ностальгия по равенству упрощает сложные теоретические системы ради удовлетворения вождельней племса. Консерватизм и ранее подвергался соблазну «народного царя», но сегодня популизм особенно опасен [1].

В действительности же для отрезвления умов нужно указать на примат обязанностей над правами, отрицать народовластие как благо, но вместе с тем не допускать властителей к неконтролируемому правлению, ибо в настоящих обстоятельствах государственность может быть вручена недостойному. Власть в России исторически персонифицирована, а опыт показал, что в тех случаях, когда вместо монархического принципа властвования начинал доминировать секулярно-абсолютистский или республиканский, режим приобретал черты отвратительного безбожного деспотизма. Данное обстоятельство связано преимущественно с революционной РСФСР, хотя и в петербургской империи мы находим тягостные моменты. Поглощение монархии бюрократией лишало государственность своей сакральной природы. Лев Александрович Тихомиров отмечает:

«Итак, русский тип государственности, казалось бы, наиболее должен был укрепиться с 1861 года. Но для этого монарху необходимо было быть с народом, в мысли, в сердце, в общении. Монарху необходимо было вливать в свою личность всю живую работу народного духа. А между тем в этот момент, самый важный, самый решительный, самый критический, какой только был в истории России – на монархию тяжко легло антимонархическое управительное построение, выращенное в предшествовавший период» [2]

Также следовало бы отметить, что не стоит ставить перед консерватизмом задачи максимального охвата населения России. На ближайшие 15-20 лет гораздо актуальнее проблема сохранения консерватизма как такового, ибо соблазн отречения от своего пространственного и культурного наследия поглощает слишком многих русских людей. Нет полной уверенности в том, что в будущем консерватизму удастся ухватиться хотя бы за крупицу русского народа. Константин Николаевич Леонтьев пишет:

«Молодость наша, говорю я с горьким чувством, сомнительна. Мы прожили много, сотворили духом мало, и стоим у какого-то страшного предела» [3]

Мысль способна пройти путь очищения, но ей следует создать новое интеллектуальное поле, в котором было бы возможно говорить свободно и взаимной поддержкой укреплять верность общей идее спасения России от атеистического расчеловечивания. В результате монархическое правосознание окрепнет, сможет предложить вечные идеалы с новым воодушевлением, а также указать советским державникам антирусский корень их воззрений.

Теперь же сконцентрируем наше внимание на вопросе возрождения государственности. Уже было сказано нами о тяжелых последствиях для общественного сознания сохранения революционного языка, однако есть еще внутреннее принятие права на восстание. Результат февральско-мартовских

событий 1917 года в этом весьма показателен, однако рано или поздно возникает проблема легитимности даже сакральной власти.

Царь не имеет никакого права отречься от возложенной на него ответственности, а потому современный русский консерватизм, избавившись от народнической риторики, должен стать источником взаимного доверия в общем деле восстановления государственности. Готовность личности следовать повелению Верховной власти может основываться на искреннем и взаимном доверии монарха и подданных, но для этого недопустимо пренебрежение обязанностями ни одной из сторон. Лев Александрович Тихомиров пишет:

«Власть монарха возможна только при народном признании, добровольном и искреннем. Будучи связана с Высочайшей силой нравственного содержания, наполняющего веру народа и составляющего его идеал, которым народ желал бы восполнить всю свою жизнь, – монархическая власть является представительницей не собственно народа, а той высшей силы, которая есть источник народного идеала» [4]

Человек стал более чувствителен к измене вышестоящего над ним лица по причине частых системных кризисов. Но проблема кроется в светском источнике легитимности. Монархия исключает подобное, однако она может лишиться доверия по причине внутреннего упадка и страха Государя перед заговорщиками. Тем самым консерватизм должен достичь всех участников политического процесса, воспитать в Верховном правителе верность историческому пути России к спокойной и свободной жизни в лоне Соборной Церкви, где государственность выступает в качестве защитницы христианства.

Наконец, русский консерватизм должен выработать современное понимание места России в мире. Он обязан противостоять изоляционистским призывам неомоношизма с тем же упорством, с каким Леонтьев призывал не

уподобляться республиканским порядкам Западной Европы и не бежать в объятия славян:

«Вообще юго-славяне очень легко переходят, в быту и общих понятиях своих, из пустоты эпической в самую крайнюю простоту современной либеральной буржуазности. Все они, между прочим, вырастают в слепом поклонении демократической либеральной конституции» [5]

В ближайшем будущем Россия не оправится от демографических потерь XX века и современности, а потому русский народ нуждается в покое и условиях мирного труда. Следовательно, в международных делах принцип самостояния должен стать ключевым. Есть нравственная ответственность за судьбу православных славянских народов Балкан, однако родственные европейские культуры падут без жизнеспособной русской государственности. Прежде всего необходимо установить стройную ромейскую правовую систему, воспитать и укрепить в себе здоровое правосознание. Как пишет Константин Николаевич Леонтьев:

«Для существования славян необходима мощь России. Для силы России необходим византизм. Тот, кто потрясает авторитет византизма, подкапывается, сам, быть может, и не понимая того, под основы русского государства» [6]

Консерватизму крайне важно и не допустить втягивания Отечества вглубь Евразии. Временные геополитические «достижения» угрожают увяданием проекта монументальной византийской имперской государственности на русской почве. Более того, умаление и намеренное искажение собственной идентичности ради союза с азиатами – это возвращение в ордынское иго, преступление пред многими поколениями русских людей, посвятивших свои жизни делу становления православного царства.

Вырабатывание взаимной ответственности за результат общего дела, восстановление русской государственности, отказ от исключительности и некой особенности в деле международного общения – все это русский консерватизм должен донести до всякого сомневающегося ума ради складывания здорового правосознания русских людей. Смута же возникает от поколебленной верности общему делу поколений, от неспособности понять смысл подчинения и служения, а потому прежде всего надо помочь растерявшимся членам общества осознать опасность космополитических утопий. Консерватизм в этих условиях станет дисциплинирующей осью, не допускающей массового отступления из своего народа и веры.

Список источников и литературы

[1] Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 209.

[2] Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. 3: Русская государственность. М., 1905. С. 224.

[3] Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 1876. С. 130-131.

[4] Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. 1: Происхождение и содержание Монархического принципа. М., 1905. С. 111.

[5] Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 1876. С. 53.

[6] Там же. С. 46.